

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ТУРЕЦКО-КИТАЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ: ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКОГО ФАКТОРА НА ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

КАРИНЕ ХОДЖАЯН

В статье анализируется динамика развития турецко-китайских отношений, которые наряду со многими нерешенными вопросами политического характера, интенсивно развиваются в экономической сфере. Турция сегодня стала одним из ключевых связующих звеньев для китайского мегапроекта «Пояс и путь», а быстро увеличивающийся китайский капитал на турецком рынке является фактором усиления роли Китайской Народной Республики на Южном Кавказе, заставляя странам региона пересматривать и переформулировать свою внешнеполитическую повестку в соответствии с формировавшимися международными и региональными реалиями.

Ключевые слова: *Китай, Турция, экономика, пандемия, инвестиции, уйгурский вопрос, Синьцзян-Уйгурский автономный район, мегапроект «Пояс и путь», инфраструктуры, Иран, Южный Кавказ*

На фоне глобальных трансформаций и особенно в свете меняющейся геополитической конъюнктуры в южнокавказском регионе особую важность приобретает изучение динамики взаимоотношений Китая и Турции – стран, стремящихся к мировому и региональному лидерству и усилению своих позиций на международной арене.

В этой связи наш регион представляет значительный интерес как для Турции, так и для КНР, что объясняется в первую очередь несколькими ветвями основных инфраструктурных коммуникаций, проложенных через Южный Кавказ и обеспечивающих Китаю доступ как в Среднюю Азию, так и к Черному морю.

Старт дипломатическим отношениям между Китаем и Турцией впервые был дан в 1934 году. Примечательно, что через год – в 1935-м по инициативе Мустафы Кемаля в Анкарском университете открылась первая в Турции кафедра китаеведения¹. С 1949-го до 1971 г. Турция не признавала КНР, а вела дипломатические отношения с Китайской Республикой (Тайвань). Лишь в 1971 г. КНР была признана Турцией.

Несмотря на дипломатические отношения оба государства почти всегда стояли по разные стороны “баррикад”, занимая противоположные позиции по ряду вопросов международного значения. Так, в годы войны на Корейском полуострове (1950-1953) турецкая бригада воевала против китайских войск. Во времена Холодной войны страны находились в разных идеологических

---

¹ **Bilener T.**, Relations Turquie-Chine. Ambitions et limits de la cooperation économique, Institut français des relations internationales (IFRI), October 2020. p. 24.

лагерях, а после крушения биполярного мира Турция начала вести активную торговую дипломатию с Тайванем, открыв в 1993 г. Торговый офис в Тайбэе, фактически служивший дипломатическим представительством Турции на острове². До 2000-х китайское направление не считалось внешнеполитическим приоритетом для Турции. Лишь с 2000-х годов двусторонние встречи и визиты участились, был подписан ряд соглашений в торгово-экономической сфере, соглашение о совместном производстве зенитно-ракетных комплексов (от которого Турция впоследствии отказалась), об углублении сотрудничества в области оборонной промышленности и т.д.

Турция и КНР являются членами ряда международных организаций и форумов, таких как «Большая двадцатка», Шанхайская организация сотрудничества, в которой с 2012 г. Турции предоставлен статус партнера по диалогу (как Армении и четырем другим странам)³ и др. В Восточной Азии Китай является первым торговым партнером Турции, а по импорту – вторым после Российской Федерации⁴.

За последние несколько лет в Турции наметился высокий уровень инфляции. В 2018 г. она достигла 16,3%, а в 2019-м – 15,2%⁵. Уровень безработицы также растет, достигнув 13% (2019), а уровень безработицы среди молодежи – 24,9%⁶. К концу июня 2020 г. в разгар пандемии коронавируса внешний долг Турции составил 56,8% ВВП⁷. По показателям Всемирного банка если в 2013-м ВВП Турции составил 957,779 млрд. долларов, то в 2019-м он снизился на 20,5%, (761,425 млрд. долларов)⁸.

Хотя Китай не входит в десятку крупнейших инвесторов турецкой экономики⁹, а китайские инвестиции составляют пока что 1% от общего числа прямых иностранных инвестиций Турции¹⁰, на фоне спада прямых иностранных инвестиций в целом¹¹, а также убывающего показателя ВВП, зафиксированного за последние 5 лет, привлечение китайских инвестиций и китайского капитала стало приоритетом для Турции.

В силу ряда обстоятельств (снижение экономических показателей,

---

² Turkish Trade Office in Taipei// <http://taipei.to.mfa.gov.tr/Mission/MissionChiefHistory>

³ The Shanghai Cooperation Organisation// http://rus.sectsc.org/about_sco/20151208/16789.html

⁴ Министерство иностранных дел Турции, Турецко-китайские отношения // http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-commercial-and-economic-relations-with-china.en.mfa

⁵ World Bank data, Annual inflation rate, Turkey <https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?locations=TR>

⁶ TurkStat, Labour force statistics// <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Labour-Force-Statistics-October-2020-37485&dil=2>

⁷ Anadolu News Agency, Turkey's external gross debt stock at \$421.8B end-June, 20.09.2020, <https://www.aa.com.tr/en/economy/turkeys-external-gross-debt-stock-at-4218b-end-june/1990693>

⁸ World Bank data, GDP Turkey // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=TR>

⁹ Investment Office of the President of the Republic of Turkey, Inflows to Turkey, top investors// <https://www.invest.gov.tr/en/whyturkey/pages/fdi-in-turkey.aspx>

¹⁰ **Bilener T.**, Relations Turquie-Chine. Ambitions et limits de la cooperation économique, Institut français des relations internationales (IFRI), October 2020. p. 12.

¹¹ Согласно данным Конференции ООН по торговле и развитию, в 2019 г. приток прямых иностранных инвестиций в Турцию снизился на 35%// UN Conference on Trade and Development// World Investment Report 2020.

связанных с пандемией коронавируса, резкое ухудшение отношений Турции почти со всеми традиционными западными партнерами, внутривосточные процессы после последних нескольких выборов, продемонстрировавших ослабление позиций правящей партии «Справедливость и развитие», а также милитаристский и агрессивный внешнеполитический курс Турции, проявившийся как на Ближнем Востоке, так и на Южном Кавказе и в Восточном Средиземноморье) китайский вектор стал одним из ключевых направлений во внешнеполитической повестке Турции.

Заинтересованность в развитии двусторонних отношений проявляется и со стороны КНР. Для нее приоритетом является имплементация одного из своих основных мегапроектов – «Пояс и путь», известный еще как «Новый шелковый путь», в котором Турция в силу своего географического положения имеет все шансы превратиться в один из узлов китайского проекта и стать плацдармом для прямого выхода на европейский континент. За последние годы Китай уже сделал значительные инвестиции в разные инфраструктурные проекты в Турции. Так, еще в 2015 г. консорциум китайских компаний (Cosco Pacific, China Merchants Port Holdings и China Investment Corporation) приобрел 2/3 контейнерного терминала Кумпорт в порту Амбарли в Турции – третьем по значимости коммерческом порту Турции на европейской части Стамбула¹². Примечательно, что китайские компании в равной степени заинтересованы в приобретении акций турецких портов Мерсин, Чандарли и Филиос – трех основных портов на трех морях, которые могут быть соединены железнодорожной сетью и стать частью китайского мегапроекта «Новый шелковый путь»¹³.

Кроме того, нельзя не заметить, что в повестку китайско-турецких взаимоотношений включен ряд других экономических проектов. Например, ведутся активные переговоры о строительстве скоростного поезда между Карсом и Адрианополем длиной 1700 км¹⁴, который в случае реализации соединит восточную часть Турции с западом страны, фактически Азию с Европой, и в случае присоединения к железнодорожной ветке Баку–Тбилиси–Карс станет одной из ветвей китайского проекта «Пояс и путь». В конце декабря 2020 г. уже второй поезд отправился из Турции в китайский город Сиань.

Китайский консорциум приобрел также 51% акций третьего недавно построенного моста Султана Селима Явуза, проходящего через пролив Босфор. Было подписано соглашение между ведущей турецкой телекоммуникационной компанией Turkcell с китайским Huawei-ом об установлении и развитии сети 5G в Турции. По китайским кредитам Анкара строит

---

¹² **Bilener T.**, Relations Turquie-Chine. Ambitions et limits de la cooperation économique, Institut français des relations internationales (IFRI), October 2020. p. 11.

¹³ См. там же.

¹⁴ **Bilener T.**, Relations Turquie-Chine. Ambitions et limits de la cooperation économique, Institut français des relations internationales (IFRI), October 2020. p. 14.

угольную электростанцию в Хунутлу в Средиземном море, планирующую удовлетворить 3% потребностей Турции в электроэнергии¹⁵ и вызывающую критику и крайнее недовольство активистов, выступающих против загрязнения воздуха и нанесения ущерба природной среде¹⁶. Более того, Турция подписала соглашение с Китаем о строительстве третьей атомной электростанции в Игнаеде на северо-западе страны. Планируется, что строительные работы завершатся уже в 2021 г., а с 2022 г. войдет в эксплуатацию новая АЭС мощностью 11,5 млн. мегаватт в год¹⁷.

С 2016 г. на турецком рынке укрепил свои позиции китайский телекоммуникационный гигант ZTE, приобретший 48% акций производителя телекоммуникационных средств Netaş¹⁸. Более того, Турция отдала предпочтение китайской вакцине от коронавируса, подписав соглашение с китайской фармацевтической компанией Sinovac Biotech о приобретении 50 миллионов вакцин для прививки 25 миллионов человек¹⁹.

Турция является также страной-учредителем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который уже инвестировал в проекты с участием Турции 1,4 миллиарда долларов²⁰, включая средства, выданные на строительство одного из стратегических для Запада проектов – Трансанатолийского газопровода. Стоит отметить, что с целью смягчить ситуацию с дефицитом оборотных средств и нехваткой ликвидности, возникшую в результате пандемии Covid-19, АБИИ выделил двум турецким банкам под государственные гарантии 500 млн. долларов²¹. И это не первый случай, когда Пекин протягивает руку помощи Анкаре. Так, например, в 2018 году, когда из-за американских санкций стоимость турецкой лиры упала более чем на 40%, Турции удалось получить у Китая кредиты на 3,6 млрд долларов²². Через год Турция получила дополнительные 1 млрд. долларов от Центрального банка Китая²³.

---

¹⁵ Информационное агентство Regnum. Анкара становится окном Пекина в Средиземном море. 02.09.2020 <https://regnum.ru/news/polit/3072610.html>

¹⁶ Информационное агентство ЭНЕРГОСМИ. Банки Китая попросили прекратить финансирование угольной промышленности Турции. 11.06.2020. <https://energосmi.ru/archives/44590>

¹⁷ **Bilener T.**, Relations Turquie-Chine. Ambitions et limits de la cooperation économique, Institut français des relations internationales (IFRI), October 2020, p. 15.

¹⁸ ZTE official website, ZTE to acquire 48% stake in Netas to support growth in Turkey and Eurasia, 06.12.2016, <https://www.zte.com.cn/global/about/news/1206.html>

¹⁹ Daily Sabah, 2nd batch of Chinese-made Covid-19 vaccines arrives in Turkey, 29.01.2021, // Daily Sabah, <https://www.dailysabah.com/turkey/2nd-batch-of-chinese-made-covid-19-vaccines-arrives-in-turkey/news>

²⁰ Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB Invests USD 500M to Support Turkey's Urban and Energy Infrastructure, 16.12.2019, <https://www.aiib.org/en/news-events/news/2019/AIIB-Invests-USD500M-to-Support-Turkeys-Urban-and-Energy-Infrastructure.html>

²¹ Asian Infrastructure Investment Bank, USD500-M COVID-19 Loans from AIIB to Increase Access to Liquidity in Turkey, 03.07.2020, <https://www.aiib.org/en/news-events/news/2020/USD500-M-COVID-19-Loans-from-AIIB-to-Increase-Access-to-Liquidity-in-Turkey.html>

²² CNBC, China backs Turkey to overcome its economic crisis, 17.08.2018, <https://www.cnbc.com/2018/08/17/china-backs-turkey-to-overcome-its-economic-crisis.html>

²³ Bloomberg, Turkey Got a \$1 Billion Foreign Cash Boost from China in June/, 09.08.2019, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-08-09/turkey-got-1-billion-from-china-swap-in-june-boost-to-reserves>

Этот список можно продолжить, однако и так ясно – КНР сильно укрепил свои позиции в Турции и построил планы на долгосрочную перспективу, которые часто выходят за экономические рамки и охватывают многие другие сферы, включая военную. Еще к концу 2010 г. Китай получил приглашение участвовать в военных учениях «Анатолийский орел». Турецко-китайское сотрудничество продолжилось также в развитии космического потенциала Турции. При поддержке китайского правительства в 2012 г. на борту китайской ракеты был запущен в космос турецкий спутник SkyTurk-2²⁴.

На фоне динамично развивающегося экономического сотрудничества китайско-турецкие отношения не лишены множества спорных вопросов. Один из них – уйгурский; Турция разжигает в этом регионе Китая пантюркистские настроения, что вызывает крайнюю обеспокоенность у Пекина. Несмотря на относительный спад напряженности между странами по уйгурскому вопросу, он все еще продолжает оставаться камнем преткновения между сторонами. Официальный Пекин продолжает рассматривать действующие в Турции уйгурские центры как террористические организации. В Пекине не забыли также, как во время беспорядков 2009 г. в Урумчи и в других районах Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) тогдашний премьер-министр, нынешний президент Турции обвинил китайские власти в геноциде уйгуров²⁵. Более того, в Пекине хорошо помнят, как Анкара раздавала проездные документы уйгурам через консульские отделы своих посольств в странах Юго-Восточной Азии²⁶, а также предоставляла убежища уйгурским националистам в Турции. По разным оценкам в Турции проживает самая большая уйгурская диаспора мира – более 50 000 человек²⁷. Однако на фоне нарастающей экономической зависимости от КНР уйгурский вопрос в Турции в последнее время отодвинут на второй план. Примечательно, что подписанный в 2017 г. между Пекином и Анкарой договор об экстрадиции был предоставлен на рассмотрение Великому Национальному Собранию Турции, что вызывает крайнюю обеспокоенность уйгурского меньшинства. Небезосновательно ходят слухи и о выдаче проживающих в Турции уйгуров третьим странам, откуда их экстрадируют в КНР²⁸.

В целом за последнее время среди турецкого руководства сложно найти однозначную позицию по уйгурскому вопросу. В опубликованном министерством иностранных дел Турции заявлении (2019) Пекин призвали «уважать права уйгурских турок и закрыть лагеря в СУАР»²⁹. В Ки-

---

²⁴ **Kaya K.**, Turkey and China: Unlikely Strategic Partners, US Foreign Military Studies Office, August 2013, p.6.

²⁵ Reuters News Agency, Turkish leader calls Xinjiang killings "genocide", 10.07.2009, <https://www.reuters.com/article/us-turkey-china-sb-idUSTRE56957D20090710>

²⁶ **Duerkop C.**, Turkey and China: Contemporary Political, Economic and Strategic Relations, East Asian Policy 2020, p.112.

²⁷ The Guardian, Pressure on Turkey to protect Uighurs as China ratifies extradition treaty, 29.12.2020// <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/29/pressure-on-turkey-to-protect-ughurs-as-china-ratifies-extradition-treaty>

²⁸ См. там же.

²⁹ Ministry of Foreign Affairs of Turkey, Statement of the Spokesperson of the Ministry of

тае не забыли также и о жестких заявлениях турецких властей про «лагеря по перевоспитанию» уйгуров в Китае, охарактеризованные как «позор для человечества»³⁰. Однако несмотря на подобную оценку внешнеполитического ведомства Турции, в июле того же 2019-го во время официального визита в Китай президент Турции заявил, что «этнические группы Синьзян-Уйгурского автономного района живут счастливой жизнью»³¹.

Другим противоречивым вопросом двусторонних отношений стал сирийский кризис, где стороны изначально находились в противоположных лагерях. Ситуация обострилась и тем, что появились сведения о задействовании Турцией уйгуров в военные действия против законных сирийских властей страны, что не нашло опровержения³².

Таким образом, можно констатировать, что несмотря на динамику развития турецко-китайских экономических взаимоотношений, противоречия между сторонами по ряду вопросов, прежде всего по уйгурскому, не позволят этим отношениям перейти на уровень стратегического партнерства. Вместе с тем наблюдается резкое усиление политического присутствия КНР в регионе, доказательством чего стало 25-летнее соглашение о всестороннем сотрудничестве, подписанное Ираном и Китаем 27 марта 2021г.³³ Планы на столь долгосрочное присутствие КНР в регионе свидетельствуют о заинтересованности китайской стороны в стабильности и безопасности, в первую очередь инфраструктурной безопасности на Южном Кавказе. Более того, Южный Кавказ в силу своего географического местоположения становится узлом для прокладки одной из ветвей мегапроекта «Пояс и путь» к выходу на Черное море. Здесь нужно учитывать как долгосрочное соглашение КНР с Ираном, так и соглашение о создании зоны свободной торговли между Грузией и КНР³⁴. Кроме того, имеется соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, подписанное в 2018 г. между Евразийским экономическим союзом и Китаем, в котором зафиксирована необходимость развития «коридоров, в том числе создание и модернизация объектов транспортной инфраструктуры, совершенствование транспортных связей»³⁵.

Foreign Affairs, Mr. Hani Aksoy, in response to a question regarding serious human rights violations perpetrated against Uighur Turks and the passing away of folk poet Abdurehim Heyit, QA-6, 9 February 2019// http://www.mfa.gov.tr/sc_-06_-uygur-turklerine-yonelik-agir-insan-haklari-ihlalleri-ve-abdurrehim-heyit-in-vefati-hk.en.mfa

³⁰ См. там же.

³¹ Турция отказалась от претензий к властям Китая в части ущемления прав уйгуров. 02.07.2019 <https://ru.sputnik.kz/world/20190702/10802954/erdogan-sinczyan-narody.html>

³² Бибилова О. П. Уйгурский джихад в Китае и Сирии // Россия и мусульманский мир, 2018, № 4 (310), с. 73-75.

³³ China, With \$400 Billion Iran Deal, Could Deepen Influence in Mideast// New York Times //March 27, 2021 // <https://www.nytimes.com/2021/03/27/world/middleeast/china-iran-deal.html>

³⁴ Free trade agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of Georgia // http://fta.mofcom.gov.cn/georgia/annex/xdzw_en.pdf

³⁵ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, статья 10.2 (е) // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20русский%20%28EA%20alternate%29%20final.pdf

В этой связи, учитывая сложившиеся международные и региональные реалии, Армении как стране-участнице ЕАЭС, как сопредельному с Ираном и Грузией государству необходимо, пусть и с опозданием, на основе анализа взаимных интересов и приоритетов пересмотреть свои отношения с КНР.

ԿԱՐԻՆԵ ԽՈՋԱՅԱՆ – Թուրք-չինական հարաբերությունների զարգացման դինամիկան. չինական գործոնի ազդեցությունը Հարավային Կովկասում – Վերջին շրջանում Հարավային Կովկասում տեղի ունեցող զարգացումների համատեքստում ուշագրավ է թուրք-չինական հարաբերությունների զարգացման դինամիկայի վերլուծությունը: Բազմաթիվ չլուծված և պարբերաբար բռնկվող քաղաքական հարցերի հետ մեկտեղ՝ թուրք-չինական տնտեսական հարաբերությունները զարթոնք են ապրում: Թուրքիան այսօր դարձել է Չինաստանի «Գոտի և ճանապարհ» մեգածրագրի կարևորագույն հանգույցներից մեկը, չինական կապիտալը թուրքական շուկայում ավելանում է՝ ժամանակավորապես հետ մղելով բազմաթիվ խնդրահարույց հարցեր: Այս ամենի հետ մեկտեղ՝ ավելանում է Չինաստանի դերակատարությունը հարավկովկասյան տարածաշրջանում՝ ստիպելով պետություններին վերախմայնացվել և վերաձևակերպել արտաքին քաղաքական ուղղությունները միջազգային և տարածաշրջանային իրողություններին համահունչ:

Բանալի բառեր – Չինաստանի Ժողովրդական Հանրապետություն, Թուրքիա, տնտեսություն, համավարակ, ներդրումներ, ուղղության հարց, Մինձիանի ուղղության ինքնավար շրջան, «Գոտի և ճանապարհ» մեգանախագիծ, ենթակառուցվածներ, Իրան, Հարավային Կովկաս

KARINE KHOJAYAN – Dynamics of the Development of Turkish-Chinese Relations: the Impact of the Chinese Factor on South Caucasus. – Despite a number of unresolved and sensitive political issues, the economic relationship between Turkey and the People’s Republic of China is constantly developing. Turkey has already become a critical hub for the Chinese “Belt and Road” initiative. Chinese capital is increasing in the Turkish economy, pushing back a number of problematic issues. In the meantime, China’s role is growing in the South Caucasus region, making the countries revise and reformulate their foreign policy agenda in line with international and regional processes.

Key words: People’s Republic of China, Turkey, economy, pandemic, investments, Uighur issue, Xinjiang, “Belt and Road” Initiative, infrastructure, Iran, South Caucasus